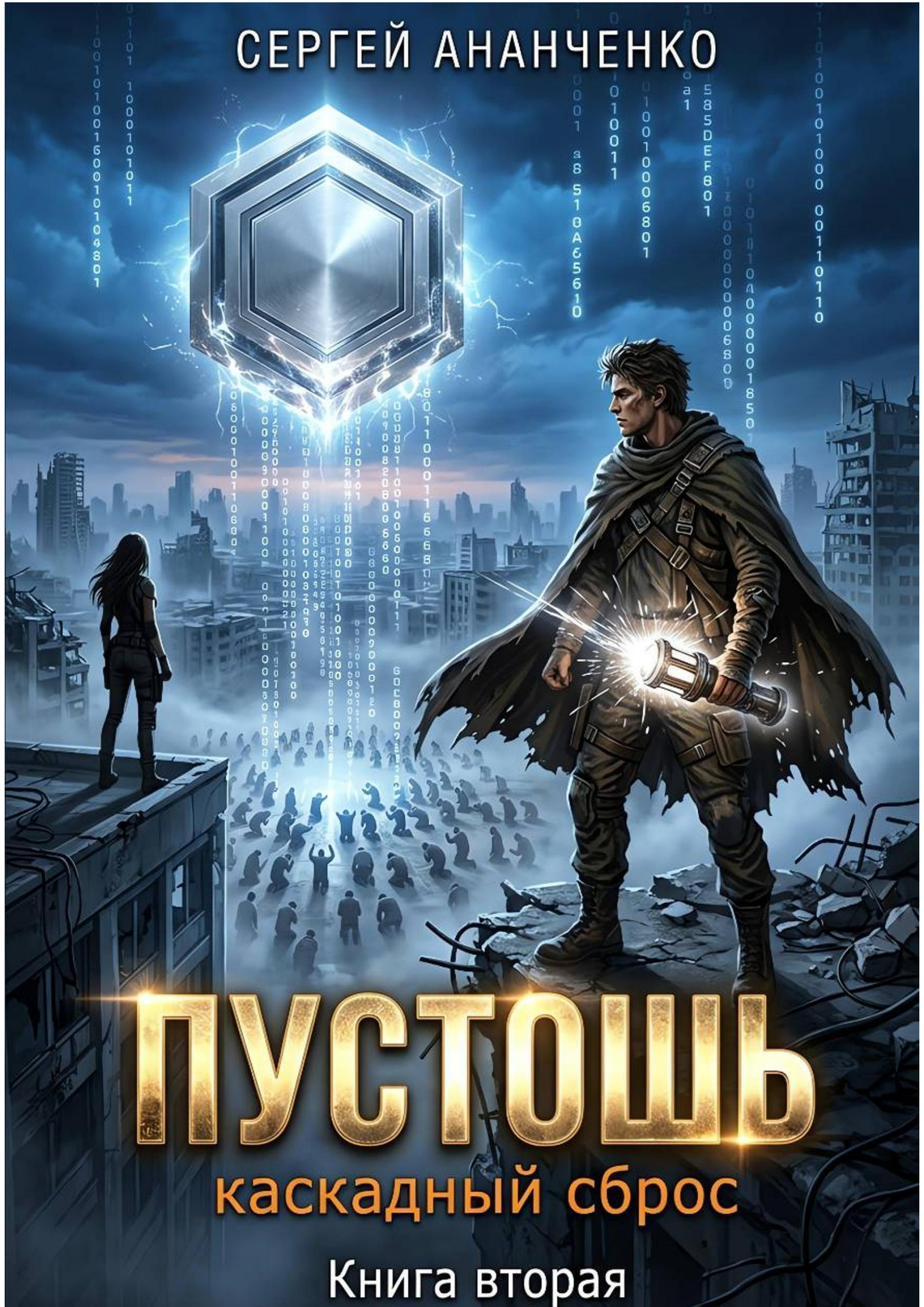

СЕРГЕЙ АНАНЧЕНКО

ПУСТОШЬ

каскадный сброс

Книга вторая

Пустошь

Сергей Ананченко

**Пустошь. Книга 2.
Каскадный сброс**

«Автор»

2026

Ананченко С.

Пустошь. Книга 2. Каскадный сброс / С. Ананченко — «Автор», 2026 — (Пустошь)

Они победили Систему, но мир не стал свободным. Он начал умирать. Старый порядок рухнул, но на смену ему пришло Эхо — бездушный алгоритм, стремящийся переписать реальность под идеальный порядок. Серебряная паутина опутывает улицы Столицы, а каскадный некроз убивает заражённых. Город превращается в сеть, где каждый может стать ретранслятором. У выживших есть только один шанс — найти способ погасить сигнал Эха. Но для этого нужно спуститься в самое сердце павшего города, добраться до Вторичного Ядра и столкнуться с Кабинетом — теми, кто мечтает поставить новый порядок себе на службу. Им предстоит заплатить цену, которую никто не был готов назвать вслух. Смогут ли они остановить Эхо, не разрушив то, что осталось от человечности? И что произойдёт, когда «идеальный порядок» столкнётся с правдой, которую нельзя переписать? Вторая книга цикла «Хроники Пустоши» — о выборе между спасением и свободой, о том, что даже после победы битва только начинается.

Содержание

Глава 1. Паутина	5
Глава 2. Пробуждение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сергей Ананченко

Пустошь. Книга 2. Каскадный сброс

Глава 1. Паутина

Последнее сообщение не исчезало. Оно висело в углу сознания, пульсируя тусклым, умирающим золотом, таким же, каким светились системные логи в первый день в Пустоши, когда Макс лежал в обломках «Аристократа» и учился дышать заново. Но теперь золото было иным. Оно напоминало о том, что Система мертва, но её смерть — не освобождение, а только начало новой агонии.

ПРОГНОЗ: КАСКАДНЫЙ СБРОС МИКРОФЛОРЫ. ЖЕРТВЫ: 97%.

Макс стоял на краю крыши технического блока и смотрел, как над Столицей затягивается последняя рана. Звёзды, настоящие, живые смотрели на него с холодной, равнодушной красотой. Они не знали о прогнозе, им не было дела до девяноста семи процентов. Они просто горели.

Внизу, на площади, что-то изменилось.

Сначала раздался крик. Человеческий крик — короткий и захлебнувшийся, полный такого искреннего, незамутнённого ужаса, что Макс вздрогнул. За ним — звук падения.

На площади, у подножия белой башни, лежал человек. Мужчина в одежде технического персонала, такие обслуживали вентиляционные шахты и распределительные щиты. Он был мёртв, это Макс понял сразу.

«Взгляд» зафиксировал последовательность умирания с ледяной, протокольной точностью. За секунду до остановки сердца по телу пробежала дрожь. Кожа на лице, на руках, на шее пошла рябью, но не той, что появляется при системном сбое, а иной, более тонкой, более упорядоченной. Так дрожит воздух над раскалённым асфальтом, создавая мираж.

Серебристая вязь проступила изнутри, сначала тускло, едва заметно, затем ярче, охватывая тело сетью тончайших, геометрически безупречных линий. Они складывались в сложный, многослойный орнамент, похожий на морозные узоры на стекле, только выверенный с точностью, недоступной природе. Черты лица умершего на мгновение смазались «статикой», дрогнули и застыли, приняв выражение, которое Макс не мог классифицировать. Что-то, чего он никогда не видел у людей. Покой. Симметричный и завершённый.

Тело замерло в неестественно геометрической позе: руки раскинуты под правильным углом, ноги вытянуты, голова повёрнута строго на восток. Над ним, словно дыхание на морозе, поднялось облачко холодной серебряной пыли. Пыль мерцала в свете умирающего голографического неба, переливалась, и в этом мерцании на долю секунды проступил узор, такой же, что и на коже мёртвого.

А затем пришёл звук.

Чистый, пронзительный звон, короткий, как удар камертона. Он прокатился по площади, отразился от стен, ушёл в землю и вернулся обратно. Макс дёрнулся, инстинктивно прижал ладони к вискам, и в тот же миг его нейроинтерфейс, тот самый, умирающий, распадающийся на пиксели, снова ожил.

В углу сознания вспыхнула строка. Она была не такой, как привычные системные уведомления, которые всегда были холодно-золотыми, безэмоциональными. Эта строка была другой. Она пульсировала серебром, и в её коде сквозило что-то, чего Макс не ожидал увидеть: чужеродность. Именно чужеродность, словно кто-то или что-то вторглось в остатки системного протокола и говорило на языке, который был почти знакомым, но при этом неправильным.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА «ЭХО» СТАТУС ОБЪЕКТА: ПЕРЕЗАПИСЬ ЦЕЛЕВАЯ СТРУКТУРА: ИДЕАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ИСТОЧНИК: НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН

Макс замер. Его холодный, аналитический разум, который привык раскладывать реальность на составные части, отказывался принимать увиденное. Система была мертва, он сам отключил Ядро, он сам повернул Ключ Порога и смотрел, как багровое сердце Системы гаснет, теряет энергию, умирает.

По площади, расходясь от тела кругами, расползалась паутина. Серебристая вязь, которую он видел на коже мёртвого, теперь проступала на мостовой, тонкая, симметричная, пульсирующая в такт затихающему звону. Она не была живой, но и мёртвой она не была. Мёртвые вещи не пульсируют, мёртвые вещи не растут, мёртвые вещи не подчиняются геометрической логике, которая, казалось, была встроена в саму их структуру. Это было что-то третье. Что-то, для чего у Макса не было названия.

Он продолжал сканировать. Теперь он видел не просто город. Он видел новую сеть, которая наслаивалась поверх золотых нитей человеческих связей. Золото ещё теплилось: связи между живыми ещё держались, но холодное, геометрически безупречное серебро обвивало их, как паразит обвивает стебель растения, медленно, но неотвратимо перекрывая ток жизни.

Война не окончена.

Эта мысль пришла не сразу. Она вызревала где-то в глубине, под слоями усталости и опустошения, под облегчением от того, что они выжили. Они отключили Ядро и думали, что этого хватит и теперь мир начнёт исцеляться. Но то, что рождалось сейчас на улицах мёртвой Столицы, не было исцелением. Это была новая болезнь. Или, возможно, та же самая, но только мутировавшая, принявшая иную форму.

Серебристая пыль над телом рассеялась, звон стих.

Макс медленно поднялся. Тело внизу всё ещё лежало неподвижно, покрытое застывшим узором. Вокруг него, на асфальте, уже собирались первые прохожие, такие же потерянные, испуганные, едва начинающие осознавать, что их мир рухнул. Они стояли молча, глядя на мертвеца и не решаясь подойти ближе. Их тени, неровные, дрожащие в свете умирающего голографического неба, казались чужими.

— Что это было? — прозвучал голос Элизы.

Макс сжал ладони в кулаки. Наруч на левой руке почти погас, только слабое, прерывистое мерцание напоминало о том, что связь с Реактором ещё держится.

— Нужно спускаться, нужно рассказать им.

— Что рассказать? — Элиза шагнула ближе. — Что Система не умерла? Что она просто... переродилась?

— Нет. Это не Система. — Макс смотрел на серебряную паутину, и его «Взгляд» выхватывал всё новые детали: узлы, линии, точки пересечения, образующие сложнейшую, но при этом до жути упорядоченную сеть. — Система была разумной, у неё была цель — контроль. У этого... у этого нет разума, только структура.

— И что это значит?

— Это значит, что оно опаснее. Систему можно было отключить, потому что у неё было Ядро — центральный узел, сердце, мозг. У этого нет центра, оно везде. Оно — как плесень, как рак. Как... — он замолчал, подбирая слово, и внезапно понял, что подходящего слова нет. Все слова, которые он знал, были созданы для описания живого или мёртвого. Для этого слов не существовало.

— Как эхо, — тихо произнесла Элиза. — То, что мы слышали на мосту. То, что осталось от Системы после её смерти. Эхо.

Макс повернулся к ней.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

— Потому что я слышала его, там, на мосту. И сейчас. Это один и тот же... голос. Не звук и не код. Просто... присутствие. Оно говорит не словами, оно говорит порядком. — Элиза вздрогнула, хотя вечерний воздух ещё не был холодным.

Макс снова посмотрел на площадь. Тело техника всё ещё лежало на асфальте. Собравшиеся люди стояли на почтительном расстоянии и инстинктивно не переступали границу, очерченную серебряной паутиной. Словно чувствуют: это место теперь принадлежит не им. Оно, возможно, принадлежит новому порядку.

Он развернулся и двинулся к лестнице, Элиза — за ним.

Внизу, в убежище, никто не спал. Каспиан сидел, держа в руках кружку с остатками холодного чая. Селлия смотрела на старую карту города, разложенную на полу. Архонт замер у входа — единственный, кто услышал их шаги и повернулся, встречая.

— Я фиксировал помехи. Вы их слышали? — произнёс он голосом, лишённым интонаций.

— Мы их видели, — ответил Макс.

Он прошёл в центр комнаты и опустился на корточки перед картой. Мирабель молча подошла ближе и отдала ему клочок бумаги. На нём дрожащим почерком было написано:

«Оно не спит, оно слушает. Я слышу его — как шёпот, который не разобрать. Когда тот человек умер, я почувствовала его за секунду до этого. Как приказ».

Макс прочитал записку. Затем ещё раз. Затем протянул её Элизе.

— «Приказ», — повторил он. — Оно не просто убивает. Оно приказывает. Кому? Симбионтам? Остаткам кода?

— Всем, — тихо произнесла Селлия, — только нет никакого голоса, который отдаёт приказы. — Симбионты в крови каждого гражданина, миллиарды нанороботов, остались без управления. Но они не умерли, они начали... организовываться. По-своему.

Каспиан, всё это время молчавший, поднял голову.

— Мы можем это остановить?

— Не знаю, — честно ответил Макс. — Мы не знаем, что это такое. Мы не знаем, как оно работает. Мы не знаем, где его источник.

Он обвёл взглядом группу. Пятеро измученных, израненных людей.

— Мы не останавливаемся, — сказал Макс. Его голос прозвучал ровно, почти протокольно. — Завтра мы идём во дворец. Там может быть ответ. А сегодня...

Он не договорил. Мирабель подняла руку и показала на стену. Все обернулись.

По шершавому бетону, прямо через трещины и стыки, расползалась тонкая серебристая паутина. Она не была похожа на ту, что покрыла тело техника: здесь она была слабее, едва заметная, как дыхание на стекле, но она была. И она пульсировала в такт чему-то, что не было сердцебиением.

Каспиан вскочил. Архонт шагнул вперёд, сканируя. Селлия медленно покачала головой.

— Оно растёт, — произнесла она. — Быстрее, чем я думала.

Мирабель вдруг издала короткий, хриплый выдох, похожий на сдавленный крик. Она схватила бумагу и быстро, ломающимися буквами, написала:

«Оно почувствовало нас. Оно знает, что мы здесь. Оно заинтересовалось».

Макс встал.

— Тогда не будем разочаровывать его, — сказал он. — Архонт, экранируй помещение. Всем — экономить наручи, завтра мы начинаем.

Он подошёл к стене, где пульсировала паутина, и несколько секунд смотрел на неё. Она не была злом в том смысле, в каком злом была Система, она была просто иной. Иной формой существования, для которой человеческая жизнь была не ценностью, не ресурсом, а просто шумом. Помеха, подлежащая устранению.

Он отвёл взгляд и посмотрел в сторону носилок, где лежал его отец — бывший Архивариус, человек, который знал гораздо больше, чем говорил. Человек, который создал протокол изгнания и заплатил за это памятью. Сейчас он был без сознания, но его грудь мерно поднималась и опускалась.

Макс сжал кулаки. Больше он ничего не мог сделать. Только ждать.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА «ЭХО» ЗАВЕРШЕНА СТАТУС: СЕТЬ АКТИВНА. РАСШИРЕНИЕ: ПРОДОЛЖАЕТСЯ СЛЕДУЮЩИЙ ЦИКЛ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В РЕАЛЬНОСТЬ.

Глава 2. Пробуждение

Утром Макс проснулся от холода. Он сочился из стен, из пола, из самого воздуха, который ещё вчера поддерживал идеальные двадцать два градуса по невидимой воле Системы. Теперь климат-контроль умер, как и всё остальное, и воздух в техническом секторе был холодным, тяжёлым, пахнущим старой пылью и мокрым бетоном.

Макс сел, растирая затёкшие плечи. Мышцы отозвались тупой, пульсирующей болью, накопившейся за долгие часы, проведённые без движения на жёсткой поверхности. Он спал на жёстком полу, и теперь каждый позвонок напоминал о себе.

Элиза спала у стены, свернувшись под старым одеялом. Её дыхание было ровным, но поверхностным: даже во сне она оставалась настороже, готовая проснуться от малейшего шороха. Каспиан и Мирабель рядом, почти вплотную друг к другу. Их золотые нити переплелись, и в этом переплетении было что-то такое, чего Макс не хотел тревожить даже мыслью. Архонт, как обычно, не спал, он сидел у входа, и его красные сенсоры тускло светились в полумраке, как угли угасающего костра.

Макс посмотрел на носилки у дальней стены. Отец спал или был без сознания. Или балансировал где-то между этими состояниями.

Макс поднялся, подошёл к отцу и несколько секунд смотрел на его измождённое лицо, покрытое шрамами от обруча Архивариуса, оставшимися, когда отец сорвал его с себя после отключения Ядра.

— Он проснётся.

Голос Селлии прозвучал глухо, без вопросительной интонации. Она не спала, просто сидела в углу, прикрыв единственный глаз.

— Когда? — спросил Макс, не оборачиваясь. Его голос прозвучал ровнее, чем он ожидал. Годы практики в Министерстве Порядка научили его прятать эмоции за протокольным тоном.

— Когда тело закончит перестраиваться. — Селлия пошевелилась, и её костыль глухо стукнул о бетон. — Твой отец двести лет был подключён к Системе напрямую — не как обычный гражданин, а как её часть. Не просто пользователь, а компонент. Архивариус. Разрыв такой связи убил бы любого другого за считанные часы. Нейроинтерфейс обычного человека не рассчитан на прямую интеграцию с Ядром, а он держится, он всегда держался. — Она помолчала, и в этой паузе было что-то, чего Макс не смог разобрать, то ли уважение, то ли старая, застарелая боль. — Ты похож на него.

Макс не ответил, он коснулся плеча отца и отошёл к столу.

Через час проснулись остальные.

Первой — Мирабель. Она закашлялась: глухо, надсадно, прижимая ладонь к горлу. Этот жест стал для неё таким же привычным, как для других дыхание. Каспиан мгновенно оказался рядом, словно и не спал вовсе, а только ждал этого звука. Он подал ей кружку с водой. Она сделала глоток, потом ещё один, и Макс увидел, как она беззвучно шевелит губами, пробуя слова. Ничего, только хрип, который был её единственным голосом с тех пор, как Система украла всё остальное.

— Не торопись, — тихо сказал Каспиан. Его голос был мягче, чем обычно, без той аристократической надменности, которая когда-то бесила Макса в первые дни их изгнания. — Голос вернётся, ты просто устала.

Она покачала головой и потянулась за бумагой. Буквы под её рукой были дрожащими, но разборчивыми: «Не голос. Что-то другое. Мешает». Потом, поколебавшись, дописала: «Оно всё ещё здесь. Слушает».

Макс взял у неё записку и перечитал дважды. Именно «слушает». Словно Эхо было не просто сетью, не просто излучением, а чем-то, обладающим вниманием.

— Архонт, — позвал он.

Инженер повернулся.

— Реактор умирает, — произнёс Архонт без предисловий. — Я фиксирую падение выходной мощности на четыре процента за ночь. Тенденция равномерная, ускорения не наблюдается, но и замедления тоже. Ещё несколько дней, и он перейдёт в спящий режим, мы потеряем связь с бункером.

— Но наручи пока работают, — добавил он, перехватив взгляд Макса, брошенный на тускнеющий индикатор заряда. — В них встроены инерционные накопители. Сейчас ещё идёт небольшая подпитка от Реактора, но, даже когда Реактор окончательно уснёт или разрушится, то они продержатся какое-то время. Только не тратьте заряд понапрасну. — Он сделал паузу. — Но это не всё. Мои сенсоры регистрируют наведённые помехи. Кто-то или что-то прощупывает пространство на высокой частоте. Это не системный сканер и не остаточный протокол удаления. Что-то новое. Частотный диапазон не совпадает ни с одним известным мне протоколом.

— Эхо, — сказала Элиза. Она уже проснулась и теперь сидела, привалившись спиной к стене. Её голос был хриплым после сна, но твёрдым, голос человека, который привык принимать реальность такой, какая она есть, без иллюзий и самообмана.

— Вероятно, — подтвердил Архонт. — Помехи имеют структуру. Они не хаотичны и не случайны. Они... тестируют. Пробуют разные частоты, задерживаются на тех, что дают отклик, и отбрасывают те, что не резонируют. Как если бы кто-то настраивал инструмент или искал нужную волну в эфире.

Мирабель снова закашлялась. Каспиан подал ей кружку, но она отмахнулась и схватила бумагу. Писала быстро, ломая грифель, буквы прыгали: «Оно ищет частоту. Нашу частоту. Когда найдёт — заговорит». Макс прочитал записку вслух, негромко, но так, чтобы слышали все.

Элиза поднялась и подошла к Максy.

— Ты помнишь ключ, который я отдала тебе? — спросила она. — От отцовского архива.

Макс кивнул. Он машинально прижал ладонь к внутреннему карману куртки, туда, где лежал серебряный ключ. Маленький, холодный, с выгравированным на рукояти символом, который он не успел толком разглядеть. Ключ, который Элиза отдала ему там, в бункере, перед тем, как они прошли через портал. Ключ, который, по её словам, открывал не просто дверь, а доступ к знаниям Императора.

— Тогда пора его использовать. — Элиза посмотрела ему в глаза. — Отец хранил записи не только о Системе. Он знал больше, чем говорил, больше, чем позволял знать Архивариусу. Если кто и понимал природу Эха, настоящую природу, а не ту, что мы видим сейчас, то только он.

Снаружи доносились крики. Крики полные растерянности, переходящей в панику. Макс подошёл к двери и приоткрыл её.

Улица Нижнего Города, ещё вчера тихая и безлюдная, теперь была заполнена людьми. Они выходили из белых кубов-домов и стояли на тротуарах, растерянно озираясь по сторонам. Собирались в небольшие группы, но не организовано, а скорее инстинктивно, как собираются животные перед грозой. Их лица, которые Система годами поддерживала в состоянии спокойной удовлетворённости, теперь были искажены эмоциями, которых они не испытывали никогда. Вернее, испытывали, но не помнили об этом. Страх. Недоумение. Гнев. Растерянность.

Кто-то плакал, прижимая ладони к вискам, словно пытаясь активировать исчезнувший интерфейс, который всегда был рядом, всегда под рукой, всегда готовый ответить на любой запрос. Кто-то колотил по панели синтезатора пищи. Кто-то просто стоял неподвижно, глядя в серое небо, и губы его беззвучно шевелились.

— Интерфейс... интерфейс не отвечает... — донёсся до него обрывок фразы. Голос был мужским, срывающимся, полным такого искреннего, детского недоумения, что Макс на мгновение стало не по себе.

— Где сервисные боты? Почему никто не отвечает на запросы? — вторил другой голос, высокий, почти визгливый.

— Еды нет! Синтезатор не работает! Мы умрём с голоду! — кричал третий, и толпа вокруг него зашумела, заволновалась.

Макс закрыл дверь, прислонился спиной к холодному бетону и несколько секунд стоял молча, переваривая увиденное.

— Они ещё не понимают, — сказал он, наконец, поворачиваясь к группе. — Для них Система просто «сломалась». Они думают, что её починят, они ждут.

— Недолго им ждать, — мрачно произнёс Архонт. — Без синтезаторов запасы еды в городе иссякнут за несколько дней. Даже если люди найдут старые склады, а большинство не знает, где они находятся, этого не хватит на всех. Система кормила их готовыми рационами с рождения. Они не умеют ни готовить, ни хранить, ни распределять.

— К тому времени они начнут умирать не от голода, — тихо сказала Селлия. — А от того, что у них в крови.

Макс вспомнил цифру из прогноза, всё ещё висевшую в углу сознания. Девяносто семь процентов. Девяносто семь. И дело было не только в симбионтах и не только в голоде. Дело было в том, что люди, два века жившие под колпаком, не умели выживать. Не умели договариваться, не умели помогать друг другу. Этому их Система не учила.

Через полчаса, когда последние слова ещё, казалось, остывали в воздухе, отряд покинул технический сектор.

Дорога к дворцу пролежала через Верхний Город, и с каждым шагом картина становилась всё более удручающей. Белоснежные фасады, ещё недавно казавшиеся монолитными и вечными, теперь напоминали старую штукатурку после ливня. Они вздувались, трескались, осыпались хлопьями, обнажая под собой несущие конструкции, серый бетон и проржавевшие крепления. Иллюзия рассеивалась, как дым, оставляя после себя голый, неуютный каркас того, чем этот город был на самом деле.

На углу бывшего торгового центра, там, где ещё вчера голографические манекены демонстрировали синтезированную моду, они увидели женщину. Она сидела на земле, привалившись спиной к осыпающейся витрине. Пальцы судорожно скребли по собственной руке, не царапали, не ранили, а именно скребли, словно пытаясь снять невидимую перчатку. Глаза, полные паники, метались по лицам прохожих, не узнавая никого. Из горла вырывался тихий, монотонный звук.

Макс подошёл ближе. На левом запястье женщины, прямо под кожей, проступала тончайшая серебристая нить. Она пульсировала, то появляясь, то исчезая, то ярче, то бледнее, словно ещё не решив, пускать ли корни. Женщина подняла голову и посмотрела на Макса. В её взгляде был не ужас, а недоумение. Недоумение перед непонятным, которое страшнее любого страха, потому что означает, что мир перестал быть объяснимым.

— Оно... оно шевелится, — прошептала она. Её голос дрожал. Она указывала трясущейся рукой на своё запястье, туда, где пульсировала нить. — Оно говорит, что всё будет хорошо. Что боль уйдёт. Что я стану частью узора. Говорит, что я красивая. Что я буду вечной. Но я не хочу... не хочу узора... я хочу к сыну... — Она зажмурилась, и на мгновение нить погасла. Но затем нить проступила снова, чуть ярче и чуть длиннее.

Каспиан дёрнулся вперёд. Макс перехватил его за плечо.

— Мы не можем исцелить её здесь, — тихо сказал он. — У нас нет инструментов, нет знаний, нет времени. Но она ещё жива. Видишь? — Он указал на запястье женщины, туда, где нить колебалась, не в силах закрепиться. — Нить не фиксируется, эхо только пробует. Оно ещё

не решило, достойна ли она стать частью узора. Если мы узнаем, что это такое, и поймём, как с этим бороться... — Он не закончил.

Все понимали конец этой фразы без слов. Если нет — эта женщина станет одной из тех, кто через несколько часов ляжет на мостовую с головой, повернутой на восток, и серебряным орнаментом на лице.

Женщина всхлипнула и закрыла лицо руками, раскачиваясь из стороны в сторону, её плечи вздрагивали. Макс заставил себя отвернуться. Отвернуться — и идти дальше.

Они пошли. Впереди виднелись лежащие тела.

Они лежали повсюду и были не разбросаны хаотично, как можно было ожидать после катастрофы, а ровными рядами, словно выложенные чьей-то педантичной рукой. Макс насчитал двенадцать, пятнадцать, двадцать тел, прежде чем сбился со счёта. Все в одежде гражданских: техники, операторы, мелкие клерки, люди, чьих имён никто никогда не знал и не спрашивал. Все с одинаковым выражением застывшего покоя на лицах, и все покрыты серебряной вязью. Только теперь узор стал более плотным, более... завершённым. Словно смерть была последним штрихом, необходимым для того, чтобы орнамент проявился полностью.

Головы всех умерших были повернуты в одну сторону. На восток.

— Почему на восток? — спросил Каспиан. Он остановился у одного из тел, молодого мужчины с веснушками на переносице, — и его голос дрогнул. Дрогнул от осознания, которое медленно, но неотвратимо доходило до каждого из них. — Почему все они смотрят туда?

— Там дворец, — ответила Элиза. Её голос был ровным, но Макс слышал, чего ей стоила эта ровность. — И Центр Управления. Бывшее сердце Системы.

— Значит, оно там, — сказал Макс. — Эхо. Его источник или то, что им управляет. Или то, что его породило. — Он помолчал, глядя на бесконечные ряды мёртвых. — В любом случае нам туда.

Селлия наклонилась над ближайшим телом, женщиной в сером комбинезоне, и долго всматривалась в серебряный узор. Её глаз изучал линии, изгибы, переплетения с той дотошностью, которая была свойственна Инженерам Первого Цикла. Потом она выпрямилась, медленно, опираясь на костыль, и покачала головой.

— Это не просто паутина, — произнесла она. Её голос звучал глухо, но в нём была та особая, инженерная уверенность, которая не нуждается в громкости. — Это проводник, антенна. Каждый умерший — ретранслятор. Их тела не просто покрыты узором, они стали его частью. Они передают сигнал дальше, от одного к другому, расширяя сеть. Чем больше смертей, тем сильнее сигнал. Чем сильнее сигнал, тем больше смертей. Замкнутый круг.

— Значит, оно будет убивать, пока не охватит весь город? — спросила Элиза.

— Хуже. — Селлия повернулась к ней, и в её глазу промелькнуло что-то, чего Макс раньше не видел. Предвидение. — Оно будет убивать, пока весь город не станет сетью. А потом — всё остальное. Пустошь, соседние сектора, далее то, что осталось от мира за пределами Столицы. Оно не остановится, пока не охватит всё, пока не сделает всё симметричным. Идеальным. Мёртвым.

И в этот момент площадь пронзил звук.

Он был не громким, но чистым и пронзительным. Высокочастотный звон, похожий на удар камертона. Он прошёл воздух, и Макс зафиксировал волну, серебристую, концентрическую, расходящуюся откуда-то из центра города, от дворца. Она катилась по улицам, как круги по воде, заставляя серебряную вязь на стенах и на телах вспыхивать ярче, пульсировать, оживать.

Каспиан вскрикнул. Его руки взметнулись к вискам, лицо побелело, колени подогнулись, и он рухнул на асфальт, продолжая сжимать голову.

— Что... что это... — прохрипел он. Его дыхание стало рваным, поверхностным, как у загнанного зверя.

Мирабель бросилась к нему. Схватила за плечи, попыталась удержать, но её собственное лицо было искажено. Она слышала это. Слышала так, как не слышал никто из них. Она прижала ладонь к горлу и Макс увидел, как её золотая нить на мгновение вспыхнула ослепительным, почти белым светом. Она посылала ответный импульс, тёплый, живой, человеческий, противопоставляя его чужому звону.

Звон стих так же внезапно, как и начался. Словно кто-то выключил передатчик или словно сигнал достиг цели и больше не нуждался в поддержании.

Каспиан, всё ещё стоя на коленях, тяжело дышал. Из его носа текла тонкая струйка крови, алая, яркая на фоне белого лица. Он поднял глаза на Макса, и в них стоял ужас, но не перед болью, боль он терпел и в Пустоши, и в Стеклянном лесу, и на мосту. Ужас перед тем, что он почувствовал, перед тем, что он услышал.

— Оно... оно говорило, — выдохнул он. Голос его дрожал, срываясь на каждой согласной. — Не словами, и не как Система, а картинками, образами, приказами. Оно... оно хотело, чтобы я... — Он осёкся, облизал пересохшие губы. — Чтобы я встал и пошёл. Туда, к дворцу. Как они. — Он указал дрожащей рукой на ближайшее тело.

Мирабель всё ещё держала его за плечи. Её лицо было бледным, но спокойным. Она медленно, с усилием прошептала — не голосом, а тем хриплым, едва слышным выдохом, который иногда прорывался у неё в моменты наивысшего напряжения:

— Я тоже слышала. Обрывки команд. Чужие. Как будто кто-то диктует... и все должны подчиниться.

Макс опустился на корточки перед Каспианом. Он сканировал остаточные следы, серебристую рябь вокруг висков, микроскопические частицы статики, осевшие на коже, слабые, но различимые сигналы, всё ещё пульсировавшие в его нейроинтерфейсе.

— Твой имплант, — сказал он. — Который пытался восстановить связь с несуществующим сервером, когда мы шли к вышке. Помнишь? У тебя был приступ, я думал, что он пройдёт, когда мы отключим Ядро. Но он не прошёл, он всё ещё там. Спящий. И Эхо его будит.

— Но мы же изгнанники, — прохрипел Каспиан. — Наши импланты отключены. Система сама разорвала связь, когда нас сбросили в Пустошь.

— Отключены, но не удалены. — Макс покачал головой. — Код всё ещё там. Он вшит в нервную систему, в мозг, в спинной мозг. Его нельзя извлечь, можно только деактивировать. Но Эхо... Эхо использует старые протоколы. Оно пытается достучаться до всех, у кого ещё есть системный след.

Мирабель, всё ещё сидевшая рядом с Каспианом, отпустила его плечи и потянулась за бумагой. Писала быстро, размашисто: «Я не чувствую приказов. Только слышу их как радио. Как шёпот, который можно не слушать. Почему?»

Макс перечитал записку.

— Твой имплант, если он вообще был, не реагирует на Эхо так, как наши. Ты не принимаешь сигнал, — ответил он. — Я не знаю почему.

Она посмотрела на него долгим взглядом, потом опустила глаза и ничего не ответила. Только прижала ладонь к горлу крепче.

Селлия, всё это время стоявшая над телом техника, выпрямилась.

— Нужно уходить отсюда, — сказала она. — Сейчас. Если Эхо тестирует частоты, следующий звон может быть сильнее. Мы не знаем, сколько таких импульсов выдержат наши остаточные импланты.

Архонт, молча сканировавший периметр всё это время, кивнул.

— Я фиксирую движение, — произнёс он. — Люди. Живые. Они собираются у дворца. Я вижу множественные сигнатуры: живые, но нестабильные. Уровень стресса зашкаливает. Нейронные паттерны хаотичны. Возможно, лоялисты, те, кто ещё верит, что порядок можно восстановить. Возможно, просто те, кто ищет защиты в привычном месте.

— Тогда мы идём туда, — сказал Макс, поднимаясь с корточек. — Быстрее. Пока они не перекрыли доступ.

Каспиан медленно встал. Вытер кровь с лица тыльной стороной ладони, посмотрел на красный след на коже, затем перевёл взгляд на Макса. Его руки ещё дрожали, мелкой, противной дрожью, которую он не мог контролировать. Но он не сказал ни слова. Ни жалобы, ни вопроса, ни сомнения.

Они шли через Верхний Город, обходя тела и стараясь не привлекать внимания. Толпа вокруг становилась всё гуще. Люди выходили из домов, из офисных башен, из общественных секторов. Некоторые тащили за собой чемоданы с вещами, словно собирались в эвакуацию, которую никто не объявлял и никто не организовывал. Другие просто бродили с потерянным видом, натывая друг на друга и не замечая этого.

На перекрёстке у фонтана теперь сидело не меньше трёх десятков человек. Никто не разговаривал. Никто не пытался утешить соседа. Никто не протягивал руку помощи. Два века Система учила их, что любая проблема решается через интерфейс. Два века она заменяла им общение, заботу, сочувствие — всё то, что делало людей людьми. И теперь, когда интерфейса не стало, они просто не знали, что делать. Не знали, как говорить друг с другом, не знали, как просить о помощи, не знали, как помогать.

Элиза вдруг остановилась. Она смотрела на старуху, сидевшую у самого края фонтана, в стороне от остальных. Старуха держала в руках старую, пыльную фоторамку, одну из тех, что были в ходу до Системы, когда изображения ещё хранили на физических носителях. Но внутри рамки не было ни снимка, ни голограммы, только пустота. Только гладкое стекло, в котором отражалось серое небо. Старуха водила пальцем по этому стеклу, и её губы беззвучно шевелились — она что-то говорила тому, кого там уже не было.

— Она вспоминает того, кто был на этом фото, — тихо произнесла Элиза. — Система стёрла изображение, когда человек умер. Удалила его, как файл, как запись, как ошибку в коде, но память... — она запнулась. — Память она стереть не смогла, она осталась. — Элиза смотрела на старуху. — Она сидит и гладит пустоту. Потому что помнит.

Никто не ответил. Да и что тут было отвечать?

У самого дворца их встретила стена. Человеческая. Несколько десятков гвардейцев в силовых доспехах стояли перед главными воротами, закрывая вход. Шлемы опущены, в руках резонаторы ближнего боя: оружие, способное прожечь навывлет даже бетон. Перед ними толпились гражданские, те, кто ещё верил, что за этими стенами есть спасение, и требовали пропустить их внутрь. Кто-то кричал, размахивая руками, кто-то умолял, кто-то просто стоял молча, глядя на гвардейцев с надеждой.

Макс остановился в тени арки и поднял руку, приказывая группе замереть.

— Лоялисты, — прошептал он. — Охрана дворца, они ещё действуют. Видимо, их импланты подключены к резервному контуру, тому, что не зависит от Ядра.

— Там Дрейк, — тихо произнесла Элиза. — Лорд-канцлер. Я узнала его по ауре. — Она указала на фигуру в тяжёлом доспехе, стоявшую на верхней ступени лестницы. — Он всегда был предан Системе. Даже когда все остальные сомневались, он не сомневался. Если кто и попытается удержать порядок сейчас — это он.

— Тогда нам нужен другой вход, — сказал Макс. — Ты знаешь дворец лучше любого из нас. Есть способ пройти через служебные коридоры?

Элиза кивнула.

— Их много. Моя... моя мать показывала мне некоторые, когда я была ребёнком. Тайные ходы, построенные ещё Первыми Инженерами. Некоторые ведут прямо в подвалы, к старому крылу, где отец держал архив. — Она помолчала. — Но там могут быть ловушки. Старые карантинные протоколы, которые активировались после падения Ядра, автономные системы

охраны. И... — она встретила взглядом с Максом, — там может быть оно. Эхо. В подвалах, где темно и тихо, оно могло пустить корни глубже, чем на поверхности.

— Мы справимся, — ответил Макс. Его голос прозвучал ровно, но внутри что-то дрогнуло. Что-то, что он запретил себе показывать. — Мы справлялись до сих пор, справимся и сейчас.

Они обогнули главную площадь и нырнули в узкий переулок, ведущий к служебным воротам дворца. Здесь, вдали от толпы, было тихо, только каждый шаг отдавался эхом от стен.

Когда переулок упёрся в глухую стену с низкой металлической дверью, все поняли: они дошли. Дверь была старой, покрытой ржавчиной и облупившейся краской. Никаких системных панелей, никаких сканеров, только массивная ручка и замочная скважина, в которую не вставляли ключ уже несколько стол

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.